

ИСТОРИЯ РУССКОГО МАСОНСТВА XX ВЕКА: ГЛАВА 2. МИСТИКИ И ОККУЛЬТИСТЫ

Одной из форм масонства, проникшей в Россию на рубеже XIX и XX столетий, был мартинизм. Прежде чем обратиться к рассмотрению дискуссионного вопроса о том, является ли вообще мартинизм масонством, следует сказать об идеологах этого движения — докторе Папюсе и мэтре Филиппе.

Личность Жерара Анаклета Винсента Энкосса (1865–1916), более известного под псевдонимом Папюс, знакома всем интересующимся вопросами оккультизма. Один из лучших популяризаторов «сокровенных знаний», автор более 400 статей и 25 книг по вопросам «тайных» наук, он начал серьёзно заниматься изучением «посвятительной» литературы в 19 лет. Врач по профессии, Папюс практиковал в области гипноза («животного магнетизма») и являлся владельцем лечебницы (одно время совместно с мэтром Филиппом). В 1887 г. Папюс вступил в Теософское общество, активно работал в группах при оккультных журналах; затем вместе со Станиславом де Гуайта стал основателем, а с 1888 г. членом Верховного Совета каббалистического Ордена Розы и Креста (Розенкрейцерского каббалистического общества). Помимо данной организации Папюс вместе со С. де Гуайта и литератором Ж. Пеладаном стал также создателем Розенкрейцерского общества храма и художественного Салона Розы+Креста в Париже. Однако Папюс не ограничивал свои интересы лишь розенкрейцерством и в 1890 г. со своим другом Огюстом Шабосо создал также Орден Мартинистов, в котором со времени образования и до кончины был Великим мастером Верховного Совета.

Сторонник универсального гностицизма, Папюс смело экспериментировал в области эзотерической теории и, не обладая цельным мировоззрением, смешивал исторические свидетельства о древних посвященных обществах, каббалистику, алхимию, науку чисел, теософию и т. д. Какие-либо термины при описании теории и деятельности Жерара Энкосса и его последователей неприменимы, поскольку для них самих не существовало никакой грани, например, между гностицизмом и оккультизмом. Папюс пытался соединить все «науки», имевшие хотя бы оттенок «тайного», а потому мог одновременно быть масоном, каббалистом, розенкрейцером, тамплиером, теософом, гностиком и т. п., но при условии, что в каждом из «тайных» обществ ему предоставлялся руководящий или почётный пост. Одно перечисление разнообразных «школ», «лож», «орденов», в которых состоял Ж. Энкосс, могло бы занять несколько страниц.

Своими учителями Папюс считал двух людей, судьбы которых причудливым образом оказались связанными с Россией. Один из них — маркиз Александр Сент-Ив д'Альвейдр (1842-1909), наставник русского масона (сам он не был вольным каменщиком) А. Ф. Келлера, — являлся, по словам Папюса, воспитателем его ума [См. о Сент-Ив д'Альвейдре: *Saunier J. Saint-Yves d'Alveydre ou une Synarchie sans énigme. Paris, 1981*]. Другой — мэтр Филипп — был его духовным учителем. Мэтра Филиппа (1849–1905), выходца из крестьян, целителя и гипнотизёра, знают преимущественно по его деятельности в России, реальное влияние его на Орден Мартинистов ограничивалось «духовными» вопросами.

Орден Мартинистов был тесно связан с гностическими и сведенборгианскими ложами, представляющими мистическое и оккультное крыло масонства. Позднее, Г.О. Мёбес в письме к П.М. Казначееву от 26 марта 1912 г. раскрывал точку зрения Папюса на связь мартинистских лож с другими организациями. Г.О. Мёбес писал, что мартинисты «не подчинены Кабб. О.:К+Р в Париже, а только пребывает с ним в братских отношениях», что они отличны от масонских мастерских, «независимы от Великой Сведенборгской» ложи и от испанского масонства, «хотя опять таки поддерживают с ними братские отношения» [НИОР РГБ. Ф.116. К.3. Ед.хр.3. Л.6-6об.]. Во Франции Папюс и его сторонники не находили признания в среде вольных каменщиков, Великая Ложа и Великий Восток Франции решительно отвергали «регулярность» мартинистов. В этой связи следует упомянуть полемику между Папюсом и одним из выдающихся французских масонов начала XX в., Ш. М. Лимузенем (1840–1909), писавшим под псевдонимом Хирам [См.: *L'Acacia*. 1904. № 4. С.19–22, 212–299, 359–363; 1905. № 5. С.19–35]. В качестве аргументов в пользу «регулярности» мартинистов Папюс выдвигал не только своё членство во французской сведенборгианской ложе (по некоторым данным Папюс являлся также членом одной из лож Великого Востока Франции до исключения в 1899 г.), но и признание Ордена Мартинистов Испанским Национальным масонским Орденом.

После конгресса спиритуалистов и масонов в 1908 г. Папюс вошёл в ложи обряда Мемфис-Мисраим и был назначен Великим мастером этого масонского устава для Франции, т. е. фактически стал одним из приемников Дж. Гарибальди и Великого мастера Великого Востока Германии Т. Рейсса. Вопрос о масонском характере обряда Мемфис-Мисраим, а тем более Ордена Мартинистов, остаётся до настоящего времени дискуссионным, но надо по крайней мере признать, что в этих обществах также изучалась (пусть даже и поверхностно) масонская символика.

Орден Мартинистов, как и другие оккультные ответвления масонства, признавал существование святого таинственного знания и считал своей задачей проникновение в тайны мироздания и овладение силами природы. При таком понимании задач на первый план выдвигались вопросы практического применения полученных оккультных знаний, а не масонский символизм. Вопросы посвящения и ритуалы рассматривались Орденом Мартинистов как второстепенные, лишь в качестве механизма подачи оккультных знаний. Следует отметить, что долгое время в Ордене Мартинистов вообще не было особого ритуала, он был составлен лишь в 1913 г. Тедером при помощи Папюса [См.: *Teder. Rituel de l'Ordre martiniste dressé par Teder. Paris, 1913*]. Отсутствие соборной посвячительно-символической работы делало Орден Мартинистов лишь формально масонской организацией, однако облегчало пути проникновения его в Россию. Посвящение сводилось лишь к выдаче диплома, не требовало ни изучения ритуалов, ни наличия специального помещения и реквизита, ни многочисленности собрания; обсуждение организационных принципов построения, идейных принципов совместной работы было совершенно не нужно, — всё это предельно упрощало появление новых мартинистских организаций. Весь смысл совместной работы сводился к передаче знаний, однако черпать их можно было из столь распространенной в начале XX в. литературы по «тайным» наукам и самостоятельно. Таким образом, успех

Ордена Мартинистов был обеспечен лишь при первых шагах новых adeptов, когда покров таинственности ещё скрывал «Невидимых начальников» и их реальные знания; затем неизбежно должно было прийти разочарование, а вслед за ним — попытки поиска нового пути.

Через десять лет после образования Ордена Мартинистов, в 1900 г., Папюс отправился в Россию для чтения лекций по магнетизму и оккультизму (затем он побывал в России в 1905 и в 1906 гг.). Однако реальной целью поездки было привлечение влиятельных покровителей. Лекции Папюса в С.-Петербурге заинтересовали великих князей Николая Николаевича и Петра Николаевича и великих княгинь Милицу Николаевну и Анастасию Николаевну («черногорок»). Эта великосветская четверка также стала организатором встречи императора с Филиппом в Компьене 20 сентября 1901 г., в результате которой и этот лидер мартинистов был приглашён в Россию.

Филипп в России «постоянно занимался беседами и мистическими сеансами с их Величествами, Николаевичами и черногорками» [Половцев А. А. *Дневник // Красный архив. 1923. Кн. III. С.242, 246–247*]. Императорская чета долго ждала появления на свет наследника престола и Филипп сумел убедить Александру Фёдоровну, что скоро у неё появится сын. Императрица поверила в появление ребёнка, об этом чуть ли не было официально объявлено, но беременность оказалась мнимой. Разразившийся скандал потребовал отъезда Филиппа из России, однако, судя по переписке императорской четы, Александра Фёдоровна продолжала чтить мэтра до конца своих дней.

Число исследований, мемуаров и дневников, в которых упоминается о пребывании Папюса и Филиппа в России, составляет несколько сот наименований, однако в своем большинстве они передают лишь тёмные слухи, легенды или рассказы третьих лиц. Менее всего факты искажены в следующих работах: *Paléologue M. La Russie des Tsars. Vol.1. Paris, 1923. P.213*; *Витте С. Ю. Воспоминания. Царствование Николая II. Т.1. Берлин, 1922. С.235–247*; *Половцев А. А. Дневник. С.152–153*; *Переписка Николая и Александров Романовых. М.; Пг., 1923.*

Из исследований о французском мартинизме и его руководителях следует, в первую очередь, назвать работы русских масонов: *Бурыйшкін П. А. Филипп — предшественник Распутина // НЖ. 1955. Кн.40. С.179–199*; *Ермолов Б. Н. Мартинизм (историко-философский анализ). Доклад в ложе Юпитер 18 января 1962 г. // НИОР РГБ. Ф.754. К.5. Ед.хр.2. Л.3–24*; а также сына Папюса: *Encausse Ph. Papus (Dr. Gérard Encausse): Sa vie, Son oeuvre. Doc. inédits sur Philippe de Lyon, maître spirituel de Papus. Paris, 1932*; *Idem. Le Maître Philippe de Lyon // Encausse G. Traité élémentaire d'occultisme. Paris, 1954. P.297–549.*

Если Филипп как предшественник Распутина неоднократно упоминается мемуаристами и исследователями, то имени Папюса мы практически не встретим в свидетельствах современников. Очевидно, легенда о создании мартинистской ложи в Царском Селе с участием императора не имеет под собой реальной основы. Тем не менее, даже слухи способствовали успеху мартинизма в России: это создавало иллюзию безопасности и вызывало подражание.

Вероятно, впервые о мартинистской ложе «Крест и Звезда», членом которой был Николай II написал историк русского масонства Б.В.

Телепнев. Он считал, что ложа была открыта в 1910 г. и прекратила свои работы в 1916 г. [*Telepneff V. Op.cit. P.291*]. Затем об участии Николая II в мартинистской ложе в России заявил преемник Папюса и Тедера, патриарх так называемой гностической церкви Иоанн II (имя, которое он принял на этом посту), глава Ордена Мартинистов Жан Брико: [*Bricaud J. Maître Philippe. Paris, 1926. P.37*]. Эти же сомнительные данные, но указывая, что мартинистская ложа называлась «Роза и Крест», повторил другой масонский историк [*Вяземский. С.234*].

Филиппу в России активно покровительствовал отставной военный Валериан Валерианович Муравьев (1861 – 1922) — сын сенатора В. Н. Муравьева (1811–1869), брат министра юстиции Н. В. Муравьева (1850–1908), племянник известного русского государственного деятеля графа Н. Н. Муравьева-Амурского (1809–1881), от которого он в 1882 унаследовал титул графа Амурского, внук по матери масона Ф.Я. Мирковича [*О родственных связях В.В. Муравьева см.: Муравьевы. 1488 – 1996. Краткая роспись рода дворян ... Париж; М., 1997. В. В. Муравьев был владельцем почти 7 тыс. гектаров земли, посланником в Риме и военным атташе в посольстве в Париже. См. о нём: Ikonnikov N. F. La noblesse de Russie. Tome j. Part 2. Paris, 1960. Семейный архив Муравьевых хранится: РГИА. Ф.995*]. После фактической высылки Филиппа из России он был назначен Главным Уполномоченным Ордена Мартинистов в России. Это было, несомненно, ценное приобретение для французских мартинистов [*См.: НИОР РГБ. Ф.116. К.3. Ед.хр.13–18*].

В начале января 1906 г. гр. В. В. Муравьев-Амурский поместил в газетах (в том числе в «Русском слове» и в «Русских ведомостях») объявление о «вызове» лиц, желающих вступить в масонские ложи и получил ряд откликов на эту публикацию. В числе написавших к нему был и Пётр Михайлович Казначеев (р. 1854), юрист, петербургский окружной следователь.

Всего В. В. Муравьев-Амурский получил 63 письма. О перлюстрации писем департаментом полиции, в том числе писем Казначеевых и Н. Н. Баженова, см.: *Аврех. С.227–234*.

Внук масона петербургской ложи Соединённые Друзья, П. М. Казначеев к 1906 г. уже на протяжении тридцати двух лет занимался изучением масонства и собирал документы, книги и вещи по этой теме [*См.: НИОР РГБ. Ф.116. К.1. Ед.хр.24. Л.4–5*]. Он сам (в марте 1919 г.) так вспоминал обстоятельства приёма в Орден Мартинистов: «Масонством, мистикой и оккультизмом я интересовался уже давно, но только с 1905 года я вступил на путь практической деятельности. Прочитав на обертке одной из полученных мною из Парижа оккультных книг, что интересующиеся мартинистским орденом должны обратиться к Седиру, я написал ему письмо и получил ответ, что мне следует написать Папюсу. Я это сделал, и Папюс ответил мне, что если я желаю вступить в этот орден, то нужно написать делегату оного в С. Петербурге графу Муравьеву-Амурскому» [*Казначеев*].

Почти одновременно, в мае 1905 г., П. М. Казначеев знакомится с «последним представителем старого масонства в России» В. С. Арсеньевым. По-видимому, под влиянием этого общения и в связи с манифестом Николая II от 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании

государственного порядка», провозгласившего свободу союзов, П. М. Казначеев составляет проект открытия лож. Основными пунктами этого проекта были: 1) ложа может быть открыта только с разрешения местного губернатора или градоначальника; 2) исключительная цель объединения — «нравственное совершенствование своих членов, которыми могут быть лица всех вероисповеданий»; 3) запрет на обсуждение на заседаниях религиозных, политических и социальных вопросов [См.: НИОР РГБ. Ф.116. К.1. Ед.хр.37]. Следует при этом отметить, что появление масонских организаций в России привела к тому, что специально созданная правительством комиссия в 1907 г. решила возобновить действие в стране подписки для государственных служащих 1822 г. о непринадлежности их к масонским ложам и тайным обществам [См.: Подписка о непринадлежности к масонским ложам и другим тайным обществам // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв. [Вып.]IX. М., 1999. С.443-449].

Детализировать представления П. М. Казначеева 1906–1907 гг. на развитие посвяtitельного общества позволяет его переписка с Михаилом Кондратьевичем Исаевым, помощником бухгалтера Волжско-Камского банка [См.: Там же. К.1. Ед.хр.15; К.2. Ед.хр.34–36], в мартинистской организации носившего имя Hermes. Следует особо подчеркнуть, что П. М. Казначеев выступал за возрождение первоначального духа христианства и за восстановление новиковских лож в России.

Организационная работа, однако, шла очень медленно. В. В. Муравьев-Амурский, который подолгу жил в Париже, лишь формально организовал в С.-Петербурге «новиковскую» мартинистскую ложу, не занимаясь распространением среди адептов «посвяtitельных тетрадей», посвяtitения проводил самостоятельно (без ритуала и без обязательного прохождения системы степеней) [См.: Мёбес. А.1]. Ближайшим помощником В. В. Муравьева-Амурского был М. К. Исаев, именно он пытался создать «новое братство», организацию мартинистов в С.-Петербурге, число которых ограничивалось десятком человек. Из воспоминаний П. М. Казначеева известно, что в июле 1907 г., после годичной переписки, М. К. Исаев приехал во Владимир, где принял в Орден Мартинистов всю семью Казначеевых и братьев Соковниных. П. М. Казначеевы был признан членом третьей мартинистской степени, сын и дочь П. М. Казначеева — второй, жена — первой [См.: НИОР РГБ. Ф.116. К.1. Ед.хр.36. А.1-2]. Сам М.К. Исаев считал себя розенкрейцером, но, в действительности, больше напоминал шарлатана, занимаясь «смотрением в астрал», оккультными науками и т.п. [См. письма М.К. Исаева к Казначеевым: Там же. К.2. Ед.хр.35-39].

Система мартинистских степеней была следующей. Лица интересующиеся считались аспирантами, 1-я степень носила название «общники», или ассоциаты (associe); в показаниях Б. В. Кириченко-Астромова указаны степени ассоциата А и ассоциата В. Затем шла 2-я степень «посвяtitенных», или инициатов (initié). Завершала же структуру 3-я (капитулярная) степень «совершенных» членов, или неведомых начальников — супериор-инкогнитус (Adepte S.:J.:). Из членов 3-й степени формировалось руководство мартинистской организации. Один из лидеров мартинистов Г. О. Мёбес указывал также на существование переходной степени кандидата, предшествующей степени полноправного преемственного посвяtitенного неведомого начальника. Показания петербургских мартинистов см.: Архив УКГБ по

Ленинградской области. Уголовное дело № 188/296. 1926 г. Показания Б. В. Кириченко-Астромова — С.92–95; Г. О. Мёбеса — С.503–512.

Летом 1907 г. в русском мартинизме начался первый кризис. В. В. Муравьев-Амурский порывает с Папюсом и Филиппом как с «чёрными» силами. Вместе с ними уходит из мартинизма и М. К. Исаев. Последний с 1906 г., как уже было отмечено, безуспешно пытался создать масонское братство [См. его развёрнутый план организации подобного общества: НИОР РГБ. Ф.116. К.2. Ед.хр. 39], но к началу 1907 г. решает основать принципиально новое общество. В письме от 28 февраля 1907 г. М.К. Исаев писал к П.М. Казначееву: «<...> все время был очень занят хлопотами по организации Братства.

<...> Братство будет называться «Орденом Копьеносцев Христа». Название взято из последней части Херувимской песни «ангельскими дараносима чинми». На духовных копьях веры мы вознесем Лучезарный Образ Христа над мрачной бездной неверия, отчаяния и злобы, в которую погрузились наши братья. Копье было орудием смерти, пусть оно будет орудием прославления и спасения. Братство должно быть тайным, ибо раз оно преследует цель – духовное совершенство, то братья не должны заявлять об этом, чтобы не выставлять на показ свою добродетель и не уподобляться фарисеям <...> Орден делится на братьев младших и старших. Ими руководит Совет Двенадцати Братьев, из коих один стоит во главе <...> Каждый брат обязан работать над духовным совершенством и кроме того он должен быть верующим Христианином» [НИОР РГБ. Ф.116. К.2. Ед.хр.35. Л.1-1об.].

Таким образом, Орден мартинистов потерял в России двух своих основных приверженцев (М.К. Исаева и В. В. Муравьева-Амурского). При этом последний из упомянутых лиц призывал покинуть мартинистские организации и Казначеевых, но не смог убедить их в правильности подобного поступка [См.: НИОР РГБ. Ф.116. К.3. Ед.хр.18. О стремлении Казначеевых в это время перейти к масонской работе см.: Аврех. С.294–297].

П. М. Казначеев так вспоминал эти события: «Затем дела Муравьева расстроились, относительно Исаева мы убедились, что он шарлатан и наша переписка с ним заглохла» [Казначеев]. Если В. В. Муравьев-Амурский отошёл от деятельности мистических организаций, то М. К. Исаев, так и не сумевший создать свою собственную организацию, вошёл при основании (1 октября 1908 г.) в отделение берлинского Ордена Иллюминатов в С.-Петербурге. Об этой организации Г.О. Мёбес писал к П.М. Казначееву: «Немецкие иллюминаты никогда не были подчинены мартинистам и обратно, но целых 15 лет были аффилированы друг другу. Парижский *Ordre Kabbalistique de la R+C* есть «une affiliation de l’O.:M.:», но он конечно не подчинен последнему <...>» [НИОР РГБ. Ф.116. К.3. Ед.хр.3. Л.36]. Из влиятельных в среде оккультистов лиц членом организации иллюминатов стал также переводчик на русский язык всех сочинений Папюса Александр Валерианович Трояновский [См. «личные дела» членов Ордена Иллюминатов: ЦХИДК. Ф.1412. Оп.1. Д.8430].

По-настоящему серьезная деятельность Ордена Мартинистов в России началась с назначением 2 мая 1910 г. Генеральным (Верховным; Суверенным генеральным) делегатом этого общества в С.-Петербурге (Польше и России) графа Чеслава Иосифовича Чинского (1858 – 1932), известного «гипнотизера и хироманта» [О нем см.: Брачев В.С. Религиозно-

мистические кружки и ордена в России. Первая треть XX в. СПб., 1997. С.13-15; Процесс Чинского в истинном свете. СПб., 1908; Polski Słownik Biograficzny. T.4. Wrocław, Kraków, Warszawa, 1938]. Он привёз из Франции «посвятительные тетради» и обрядники Ордена, которые были переведены на русский язык, и начал активно собирать вокруг себя всех интересующихся герметическими (тайными) науками.

Посвятительной работе предшествовала, а затем сопутствовала издательская деятельность, носившая пропагандистский характер. Прежде всего в С.-Петербурге в переводе А. В. Трояновского были изданы наиболее известные труды Папюса.

Почти все русские переводы Папюса переизданы в 1990-е гг.: «Первоначальные сведения по оккультизму», «Философия оккультиста», «Человек и вселенная», «Каббала или Наука о Боге, Вселенной и человеке», «Генезис и развитие масонских символов. История ритуалов. Происхождение степеней. Посвящение. Легенда о Хираме. (То что должен знать мастер)», «Практическая магия», «Предсказание Таро...» О пропагандистском характере своих изданий говорили и сами мартинисты, см.: *НИОР РГБ. Ф.116. К.1. Ед.хр.19. Л.8.*

Сам Ч. И. Чинский (мартинистское имя Punar Bhava), уже знакомый читающей публике по книге «Графология» (СПб., 1903), при помощи своего секретаря, переводчицы Е. К. Лосской, издаёт в 1910 г. в Петербурге две работы: «Отец Иоанн Кронштадтский. Оккультистический этюд...» и «Страдание самоубийцы в потустороннем мире. Мистическое откровение...» В 1911 г. в Петербурге начала издаваться и отдельная серия — «Библиотека мартинистов», в которой вышли сочинения Ч. И. Чинского и Е. К. Лосской [*Магические сеансы с медиумом Яном Гузиком, под управлением Пунар Бхава (Чеслава Иосифовича фон Чинского). Пер. с франц. С предисловием Папюса. СПб., 1911; Чинский Ч. И. Собрание предсказаний на 1910–11–12 год. СПб., 1911; Лосская Е. К. I. Философия спиритизма и формация медиумов. Из наблюдений спиритических феноменов. С предисловием Punar Bhava. II. Психотерапия. СПб., 1911].*

Важнейшим изданием мартинистов стал ежемесячный журнал герметических или оккультных (тайных) наук «Изида». С 1909 г. по № 11 за 1911 г. редактором-издателем его был И.К. Антошевский, а затем (по 1916 г.) А. В. Трояновский.

Наибольшей популярностью пользовались труды самого Ивана Казимировича Антошевского (1873–1917), ранее выпустившего ряд исторических работ о печатях, о русских книжных знаках, о Мальтийском Ордене, о евреях-христианах, а затем серьезно занявшегося мартинистской работой: «Библиография оккультизма <...> 1783–1909» (СПб., 1910; второе издание с введением Ч. И. Чинского (Пунар Бхава) и биографией автора, составленной Е. К. Лосской, — СПб., 1911); «Орден Мартинистов. Его происхождение, цели, значение и краткий очерк его истории» (СПб., 1912) [*Подробнее о нём см. моё предисловие к книге: Антошевский И.К. Державный Орден Святого Иоанна Иерусалимского, именуемый Мальтийским в России. – Орден Мартинистов. М., 2001. С.3-26].*

Из переписки семьи Казначеевых известно, что в круг чтения мартинистов и их окружения в России также входили книги Л. К. де Сен-Мартена, Э. Леви, А. Безант, Ч. Ледбитера, Р. Штейнера. Примечательно,

что в список авторов работ по «тайноведению» попал и «великий старец», как называли его мартинисты, — Л. Н. Толстой. Внимание мартинистов привлекали издания самого разного уровня — журналы «Ребус» и «Mysteria» (последний присылал из Парижа Папюс), сочинения И. В. Лопухина «Некоторые черты о внутренней церкви», Ю. Гамбергера «Учение Якоба Бёме», Брандлер-Прахта «Оккультизм», Бхагават-гита.

Публикация пропагандистски-популяризаторских брошюр находила отклик преимущественно в провинции. В данных изданиях были помещены адреса секретарей, с которыми можно было вступить в переписку (так поступила, например, Л. Д. Рындина [См. её «Дневник»: РГАЛИ. Ф.2074. Оп.1. Д.2. Л.19]), часто письма предлагалось адресовать непосредственно Папюсу и Ч. И. Чинскому. Интерес «оккультная литература» вызывала в Харькове, Курске, Липецке, Кисловодске, Армавире и других городах, но круг лиц, установивших связи с мартинистами, был очень узок. Один из будущих мартинистов М. П. Македонский в письме к П. М. Казначееву писал: «Все мы разбросаны по разным местам нашей обширной матушки-Руси, но при наличии хотя бы письменного и даже не частого общения мыслей не может не установиться между нами братская связь» [НИОР РГБ. Ф.116. К.2. Ед.хр.61].

Круг чтения «собратьев» по оккультизму даёт определённое представление об интересах мартинистов. Это медитации, оккультные науки, литература о розенкрейцерстве, масонстве и т. д. Были поставлены и две конкретные задачи — работать в области оккультных исследований и способствовать распространению интереса к оккультизму [См. например: Там же. К.3. Ед.хр.12. Л.4–6].

9 июля 1910 г. Ч. И. Чинский передал петербургскому градоначальнику заявление с просьбой о легализации Ордена Мартинистов в России, но, не дожидаясь разрешения, начал практическую деятельность. Он познакомился с уроженцем Риги и выпускником физико-математического факультета Петербургского университета Григорием Оттоновичем фон Мёбесом (1868 (1869) - 1930), человеком с «уже вполне сложившимся эзотерическим миросозерцанием», посвятил его в мартинистскую степень Неведомого начальника (высшая в Ордене), а также снабдил его почётным дипломом на степень доктора герметизма Парижской Высшей герметической школы [Показания Мёбеса. 28 апреля 1926 г. См. о нём также: Брачев В.С. Указ.соч. С.14].

Один из учеников Г. О. Мёбеса, преподававшего в это время в общих классах Пажеского корпуса, вспоминал его так: «Худой, очень некрасивый, с каким-то немного перекошенным лицом, с пенсне на носу, Мёбес являлся примером исключительного, универсального учителя» [Каменский В. Памяти Г. О. фон Мёбеса // Союз Пажей. Сборник, посвященный выдержкам из воспоминаний бывших пажей. Париж, 1962. № 22. С.8]. Благодаря этому человеку в 1910 г. была открыта и первая мартинистская ложа в России — Св.Аполлония Тианского в Санкт-Петербурге, он же стал её первым руководителем.

Как вспоминал П. М. Казначеев, после поездки в столицу, он «был назначен специальным делегатом Ордена для Средней России и получил патент на учреждение ложи во имя Апостола Иоанна. Ложа была открыта во Владимире 5 августа 1910 года Мёбесом в качестве особого уполномоченного <...> Ложа собиралась во Владимире в течение зимы 1910–1911 года» [Казначеев]. В июне 1911 г. П. М. Казначеев вышел в

отставку и переехал в Москву, куда (6 декабря 1911 г.) перенёс и работы ложи, которая стала заседать на квартире Казначеевых, а затем — актрисы Л. Д. Рындиной, жены издателя и будущего видного масона в эмиграции С. А. Соколова. Была также открыта мартинистская ложа в Маньчжурии, однако вскоре она была усыплена (закрыта) [См.: Мёбес. Л.4].

Переезд семьи Казначеевых в Москву укрепил их связи с В. С. Арсеньевым. Глава семейства в своих воспоминаниях свидетельствовал, что В. С. Арсеньев в личных разговорах «открыл мне много весьма важного <...> Книги и рукописи, переданные им мне, представляют из себя нечто в высшей степени ценное: скажу только о собственноручной рукописи С.-Мартена (перевод из Бёме) и учении Розенкрейцеров (на немецком языке, напечатанном в Альтоне)» [Казначеев. Под «учением Розенкрейцеров» подразумеваются «Тайные фигуры розенкрейцеров», впервые изданные в 1785 г.]. Доверительное общение П. М. Казначеева и В. С. Арсеньева впоследствии дало повод известному писателю Ю. К. Терапиано в своих полуочерках, полувоспоминаниях о русских мартинистах (содержащих в основном легендарные сведения) заявить, что в 1911 г. произошло слияние новиковского масонства с Орденом Мартинистов [См.: РМ. 1965. 29 мая. № 2314; НРС. 1950. 3 февраля. № 13797].

Если в Москве мартинисты XX в. постепенно эволюционировали к масонству (проведение ритуальных собраний, подчеркнута христианская позиция), то в С.-Петербурге стала отчётливо вырисовываться тенденция к независимому от Франции развитию. Из-за денежных афер в июне 1911 г. Ч. И. Чинский был выслан под гласный надзор полиции в свое имение Кочево Белозерского уезда Новгородской губернии [См.: Аврех. С.293–302]. В связи с отсутствием Верховного делегата Российской Верховной Делегации русским мартинистским ложам было предоставлено право непосредственно сноситься с Верховным Советом Ордена Мартинистов в Париже. Это значительно усилило влияние в С.-Петербурге Г. О. Мёбеса и И.К. Антошевского, которые в апреле 1912 г. начинают проводить работы ложи Аполлония во славу Великого Архитектора Вселенной. Г. О. Мёбес, как он сам впоследствии заявлял в своих показаниях 20 апреля 1926 г., «недовольный поверхностным отношением к науке и Преданию большинства членов Ордена, его печати, а также периодической печати дружественного с ним Парижского каббалистического Ордена Креста-Розы», неофициально ушёл из Ордена Мартинистов и начал выступать с публичными лекциями [Показания Мёбеса. 20 апреля 1926 г. Публикацию лекций см.: Курс энциклопедии оккультизма, читанный Григорием Оттоновичем Мёбесом в 1911–1912 году в Петербурге. Вып. 1–2. СПб., 1912].

Летом 1912 г., минуя Ч. И. Чинского, Г. О. Мёбес получил разрешение на самостоятельную деятельность русского Ордена. Воспользовавшись этим, он в августе 1912 г. провозгласил независимость русских мартинистов, а ложу Аполлония — Великим Советом России (Великой Ложей) [См.: НИОР РГБ. Ф.116. К.1. Ед.хр.21. Л.33–35; К.2. Ед.хр.4; Ед.хр.46]. П. М. Казначеев сообщил о серьёзных нарушениях в С.-Петербурге Ч. И. Чинскому, обвинил Г. О. Мёбеса в отходе от мартинизма и в пропуске при посвящении первых двух степеней. В ответ Ч. И. Чинский отстранил Г. О. Мёбеса от ведения дел Ордена в С.-Петербурге и назначил П. М. Казначеева «управляющим» мартинистами в России (Российской Верховной Делегацией). В качестве

признания заслуг П. М. Казначеева ему также был вручен диплом «доктора герметизма» [О разрыве между Г.О. Мёбесом и П.М. Казначеевым, о фактическом разделении бывших мартинистов на «московскую» и «петербургскую» ветви подробнее см. письма Г.О Мёбеса к П.М. Казначееву 1912 г.: НИОР РГБ. Ф.116. К.3. Ед.хр.3].

Обладая властными полномочиями, П. М. Казначеев «выдал С. К. Маркотуну патент на учреждение ложи Св.Апостола Андрея в Киеве» [Казначеев].

Двоевластие (одна и та же должность была предоставлена «парижскими» представителями Г. О. Мёбесу и П. М. Казначееву) вносило неопределенность во взаимоотношения между сторонниками Ордена Мартинистов в России. Butatar (мартинистское имя Г. О. Мёбеса) требовал, ссылаясь на авторитет Папюса, присоединения всех российских членов Ордена к независимой Великой Ложе Аполлония. Требовалось получить в Париже разъяснения по поводу сложившейся ситуации, и эта задача была возложена на Л. Д. Рындицу (орденское имя — Tanerphis). Будучи представительницей «московского» крыла мартинизма, Л. Д. Рындица добилась отречения французских руководителей от Г. О. Мёбеса, который был объявлен самозванцем; ложа Аполлония была официально закрыта, а все её бумаги отобраны [См.: НИОР РГБ. Ф.116. К.1. Ед.хр.14. Л.1об.; Ед.хр.19; Богомолов Н.А. Из персональной истории русского мартинизма: Л.Д. Рындица // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 2000 год. М., 2000. С.278-283].

В письме к Л. Д. Рындиной от 18 ноября 1912 г. П. М. Казначеев писал: «Если я о чем жалею, то только о прекращении личных дружеских отношений с Butatar'ом. Падение выдающихся братьев как следствие их гордыни составляет обычное явление в посвященных обществах «Люцифериады», всегда было и будет повторяться до бесконечности: я убежден, что в этом возмущении Butatar к нам не вернется. Следуя Вашему удачному сравнению: гнилой плод не может найти своего места на том дереве, от которого оторвался. <...> Ввиду закрытия ложи Аполлония <...> я вполне одобряю ваше намерение учредить в С.П.б. новую ложу. Назовите ее ложей Св.Апостола Петра. Это свяжет ее с городом <...> и с тем вероисповеданием, к которому мы принадлежим. Кроме того, она будет в pendant к нашей ложе Св.Иоанна и Киевской — Ап. Андрея. Все это подчеркнет христианский характер русского м<артинизма>, тогда как «бывшая» ложа Аполлония носила характер антихристианский» [Там же. Ед.хр.29].

Ситуация окончательно определилась в конце 1912 г., когда Г. О. Мёбес официально сообщил Папюсу, что в С.-Петербурге утверждается Автономный разряд мартинизма русского послушания [Показания Мёбеса. 28 апреля 1926 г.] с «Невидимым магистром» (Butatar'ом) и генерал-инспектором И.К. Антошевским. В ответ Верховный Совет Ордена Мартинистов в Париже лишил петербуржцев всех званий, связанных с обществом, и фактически передал управление П. М. Казначееву [См.: НИОР РГБ. Ф.116. К.1. Ед.хр.9].

Противодействие между Москвой и С.-Петербургом было связано не с борьбой за власть, а с разными подходами к деятельности общества. Г. О. Мёбес приоритетными считал оккультные знания, стремился к независимости российской организации, а П. М. Казначеев чтит посвячительные традиции, делал всё для сохранения всемирного характера

братства. С переходом большей части петербургских мартинистов к независимым работам последняя, фактически иллюзорная нить, связывавшая их с масонством, была прервана. Возникшие впоследствии в их среде организации: Орден мартинистов Восточного послушания, Мартинезический разряд строгого восточного послушания, Автономное русское масонство — безусловно относятся уже к парамасонским обществам, деятельность которых во многом была инспирирована ОГПУ [Об их развитии см. публикации и работы В. С. Брачева: *Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн.1. Л., 1991. С.252–279; Брачев В.С. Масоны и власть в России. С.14-16, 53-88; Первушин А. Окультизм: силы НКВД и КГБ. М., 2001*].

В конце 1912 г. глава киевских мартинистов С. К. Маркотун (в Ордене Мартинистов — Narcissus), отправившись в Италию, взял с собой письменное приветствие к местному Генеральному делегату и ложе мартинистов. В Италии С. К. Маркотун, по речательству П. М. Казначеева и благодаря рекомендации Папюса, «был принят в ложи шотландского и философского обрядов» [НИОР РГБ. Ф.116. К.1. Ед.хр.19]. Как свидетельствует в своих воспоминаниях П. М. Казначеев, С. К. Маркотун был посвящён в 18-ю «шотландскую степень», а новому лидеру российских мартинистов «прислали два патента: один 6-й степени философского масонства, а другой 33-й степени масонства шотландского» [Казначеев].

Ранее, в 1909 г. масоном в Италии стал другой видный оккультист, ученик Ч. Ломброзо, Б.В. Кириченко (Астромов), который в России после 1917 г. стал генеральным секретарём Ордена мартинезистов, а в 1921 г. пытался создать Русское автономное масонство, которое не имело ничего общего с подлинным Орденом вольных каменщиков [См. о нём подробнее: Никитин А.А. *Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в советской России: Исследования и материалы. М., 2000; Брачев В.С. Мистики и власть в России. М., 2003*].

Под руководством П. М. Казначеева деятельность Ордена Мартинистов в России активизировалась. Уже в 1913 г. планировалось открыть мартинистские ложи в Туле, Житомире, Литве, Харькове, на Кавказе [См.: НИОР РГБ. Ф.116. К.1. Ед.хр.19. Л.4–9]. Формальное руководство оставалось за Ч. И. Чинским (Верховным делегатом Российской Верховной Делегации), однако он перед Первой мировой войной «переехал в Варшаву, а когда к ней стали приближаться германские войска, то во время усиленных магических действий лишился рассудка и был помещён в лечебницу для душевных больных. Его секретарь Лосская сообщила об этом в Париж, после переписки Папюс в качестве гроссмейстера Ордена поручил» П. М. Казначееву управление Делегацией «вплоть до выздоровления Чинского» [Казначеев].

Связи с Парижем ограничивались перепиской по организационным вопросам и посылкой «необременительных» денежных взносов, которые направлялись во Францию «на пропаганду» идей мартинистов [См.: НИОР РГБ. Ф.116. К.2. Ед.хр.59].

Российские члены Ордена пытались установить контакты и с другими странами, например, в 1914 г. Л. Д. Рындина хотела связаться с немецкими мартинистами, но адреса последних скрывались французскими руководителями [См.: РГАЛИ. Ф.2074. Оп.1. Д.2. Л.34].

В этих условиях в среде московских и киевских мартинистов всё более усиливался интерес к масонству, однако возможные контакты с Великим

Востоком Франции и его дочерними организациями в России не могли быть установлены из-за идейных разногласий. М. П. Македонский в письме к П. М. Казначееву от 17 марта 1914 г. писал: «Думаю, что настоящее масонство, это английское начала XVIII века с тремя Иоанновскими степенями, современное же политиканствующее французское только зовет себя масонством. Едва ли бы настоящие масоны стали бы политиканствовать» [НИОР РГБ. Ф.116. К.2. Ед.хр.61. Сходные взгляды были присущи и П. М. Казначееву, который принадлежал к «крайней правым» и выступал против привнесения политики в масонство. См.: Аврех. С.297].

Реальная возможность основать масонскую ложу в России из мартинистов появилась в апреле 1917 г. П. М. Казначеев в своих воспоминаниях так описывал обстоятельства создания в Москве масонской ложи Семён Гамалея к Кубическому Камню: «Между тем в Киеве Маркотуном параллельно с мартинистской была учреждена и масонская ложа. Член этой ложи особенно ревностный масон Георгий Константинович Таропьяно [Ю. К. Терапиано] был переведён офицером в один из московских пехотных полков. Он стал посещать нашу ложу Св.Апостола Иоанна, и когда Временным правительством была объявлена свобода союзам, то мы учредили ложу, в которую кроме меня и Таропьяно вошли еще Гольторп, имевший 16-ю степень, и сын, имевший 3-ю степень от Маркотуна из его ложи. Открытие ее последовало, однако, непосредственно только в октябре, когда в нее вступили еще бар. Каульбарс, генерал Новицкий, бывший в Москве как делегат на Поместном соборе, Хорват, Назарьев и Шилов.

Ложа в течение зимы 1917–1918 года собиралась несколько раз, а в последний раз 13 июня, после чего вследствие наступившего террора собрания были прекращены» [Казначеев]. Известно также, что на одно из заседаний ложи предполагалось пригласить для выступления М. А. Волошина [См.: НИОР РГБ. Ф.116. К.3. Ед.хр.12. Л.12]. Можно однако предположить, что в своих воспоминаниях П.М. Казначеев умышленно замалчивает дальнейшую работу масонов в России. Дело в том, что в записках Сергея Петровича Щурова (1866 – 1930) сохранилась печать ложи Коловион к Сокровенной мудрости на Востоке Москвы, время открытия которой помечено «24 июня AL 5919» г. Судя по аналогии в названиях лож, работы не только не были прекращены, но была даже открыта новая масонская мастерская [Следует сказать несколько слов о С.П. Щурове. Служащий Московской конторы Государственного банка, хранитель отделения изящных искусств Румянцевского музея, он в 1911-1920 гг. занимался исключительно изучением масонства, получая средства от собственного дома. Вероятно, С.П. Щуров вступил в масонство в Париже до лета 1908 г. По крайней мере к указанному времени он уже был масоном и по свидетельству второй жены впоследствии был посвящён и в высшие степени. Не исключено, что посвящение С.П. Щурова в масонство произошло ранее (роскошно сделанные обрядники первых трех степеней были написаны в тетрадах 1885 г.). Если до начала 1920-х гг. С.П. Щуров был, вероятно, связан с Казначеевыми, то затем известный исследователь масонства Н.П. Киселёв убедил его поступить на работу и заняться изучением не только опубликованных источников, но и масонских рукописей в Румянцевском музее. Подробнее о С.П. Щурове см.: Киселёв Н.П. Из истории русского розенкрейцерства. СПб., 2005].

Вероятно были прекращены лишь «полуофициальные» заседания нового

российского масонства круга Казначеевых, однако, неофициальные собрания несомненно продолжались, при этом, в 1918–1920 гг., масонские заседания сочетались с мартинистскими [См.: НИОР РГБ. Ф.114. К.4. Ед.хр.16]. Последнее свидетельство о существовании розенкрейцерской ложи в Москве во главе с П. М. и Д. П. Казначеевыми относится к ноябрю 1923 г., когда русские масоны союза Великой Ложи Франции через Н. П. Вакара отправляли из Парижа вещевые посылки «братьям» в Россию [См.: Николаевский. С.185]. Следует отметить, что в это время ложи в России если и существовали, то нелегально, так как летом 1922 г. постановлениями Президиума ВЦИК, ВЦИК и Совета народных комиссаров «ни одно общество, союз или объединение, кроме профсоюзов, объединенных ВЦСПС» не могли действовать без регистрации в Наркомате внутренних дел (на регистрацию, конечно же, рассчитывать не приходилось), а все прежние организации объявлялись «закрытыми» [Весь Петроград 1922. Ч.2. Пгр., 1922. Стб.323-324.]

Таким образом, после кончины Папюса, русские мартинисты в Москве переходят к масонским работам, постепенно вытесняя мартинистские собрания.

* * *

В обобщающем докладе по истории русского масонства В. А. Вяземского можно прочесть: «Есть сведения, что, например, новиковская л.: «Нептун» в Петербурге существовала непрерывно; в ней был посв.: известный историк мас.: Пыпин, а также адмирал Беклемишев, доживший до глубокой старости, до наших дней, и, после «Нептуна», принимавший видное участие в л.: «Карма», уже при досточтимате вел. кн. Александра Михайловича. Ее членом был многим нам памятный бр.: А. П. Веретенников, принимавший участие в наших мастерских на Иветт» [Вяземский. С.233].

Эти сведения можно уточнить, привлекая масонские источники. Во-первых, из «личного» масонского дела А. П. Веретенникова известно, что он был посвящён 12 апреля 1917 г. в петербургской ложе Карма, работавшей под руководством вел. кн. Александра Михайловича (это же подтверждает и лично знавший А. П. Веретенникова П. А. Бурыйкин) [См.: Лотос. Л.34], а затем 27 мая того же года возведён во 2-ю и 3-ю степени [Отметим, что А.П. Веретенников был членом, а затем председателем Коломенского участкового комитета Партии «Союз 17 октября». С сентября 1906 г. А.П. Веретенников присутствовал на заседаниях ЦК указанной партии с правом совещательного голоса, а с ноября 1906 г. был членом ЦК. См.: Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. Т.1-2. М., 1996-2000]. Формально ложа продолжала существовать до конца 1919 г., однако фактически бездействовала после большевистского переворота, что и вызвало переход А. П. Веретенникова в немецкий масонский кружок в С.-Петербурге (см. об этом ниже). Во-вторых, о работе Ордена Рыцарей Филалет и ложи Карма свидетельствуют Л. Д. Кандауров, А. Ф. Керенский и М. С. Маргулис, достаточно хорошо осведомленные о масонских делах в России [См.: ЦХИДК. Ф.112. Оп.2. Д.26а. Л.14; Записка Кандаурова. Л.16–18; Kerensky A. Russia and History's Turning Point. New York, 1965. P.89; Николаевский. С.100]. В-третьих, сохранилось письмо М. Анатольева, рассказывающее о работе лож Шотландского Устава в С.-Петербурге в 1916–1917 гг. [См.: GLdF. № 523]. В-четвертых, существует свидетельство Ю. В. Руммеля о петербургской ложе Северная Пирамида

[См.: Hass. S.288–289]. На основании этих свидетельств восстанавливается следующая картина.

В начале 1890-х гг. масон Шотландского Устава сириец Алкаест (вероятно, это псевдоним, заимствованный из терминологии алхимиков) основывает в Париже новую систему, которую объявляет преемницей Ордена филалетов маркиза Ш.-П.-П. Савалетт де Ланжа (1745–1797), масона союза Великого Востока Франции. В самом конце XIX в. создается и теософская («филалетская») ложа Карма, которая отказывается от контакта с масонскими послушаниями во Франции, скрывает имена своих руководителей под псевдонимами, однако пытается вести открытую пропаганду своего учения среди иностранцев. Ложа Карма провозглашает, что является истинной преемницей розенкрейцеров. Воссозданный Орден Рыцарей Филалет, якобы возрождая подлинные масонские обряды (распространённые некогда в Швеции и являющиеся прообразом Шотландского Устава), тем самым один лишь может претендовать на роль истинного вселенского масонства.

Следует сразу отметить, что основанный Алкаестом Орден никак не связан с созданным в 1928 г. в США Обществом филалетов, в числе членов которого были, в частности, О. Вирт и Р. Киплинг.

В ложу Карма вступает русская феминистка, писательница, переводчица, выпускница историко-филологического факультета Парижского университета Варвара Васильевна Архангельская-Авчинникова. Уже после первого доклада в ложе её посвящают из 1-й сразу в 3-ю степень, а вскоре назначают полномочным делегатом Ордена Рыцарей Филалет в России [О ней см.: НИОР РГБ. Ф.261. К.2. Ед.хр. 56 (письмо В.В. Архангельской-Авчинниковой неустановленному лицу); Аврех. С.288–294. См. также: Авчинникова-Архангельская В. В. Вселенское масонство и обновленное розенкрейцеровство. Доклад делегата Ордена Рыцарей Филалет <...> С приложением послания главы Ордена Алкаеста к В. А. и письма П. М. Невежина. СПб., 1911].

По возвращении на родину В. В. Авчинникова-Архангельская пытается создать структуру нового «масонского» Ордена. В 1910–1911 гг. она выступает с лекциями о масонстве в помещении Тенишевского училища, а затем находит приверженца в лице отставного офицера Николая Николаевича Беклемишева, редактора журнала «Море», давно интересовавшегося масонством. В это время, после кончины Алкаеста, в Париже разгорается скандал, связанный с аморальным поведением членов Ордена.

В этих условиях центр Ордена переносится в Россию, где принимается решение о недопущении женщин в ряды организации, а также о том, что следует считать членом Ордена любого, кто хоть однажды посетил заседание «филалетов». Новой организации начинает покровительствовать великий князь Александр Михайлович, мечтавший сыграть в России роль, аналогичную той, которую играл во Франции в 1830 г. Людовик Филипп. Для пропаганды идей Ордена Рыцарей Филалет в помещении Морского музея собирается обширная масонская коллекция, там же выделяется отдельная квартира для заседаний.

Взгляды Н. Н. Беклемишева на масонство были противоречивы. Этот представитель русского флота считал, что современное западное масонство является орудием в руках политиков и революционеров и играет

отрицательную роль в мире. Однако выводы Н. Н. Беклемишева были неожиданны: необходимо не бороться с масонством, не запрещать его, а легализовать, поставить на службу императорской России, противопоставить русский Орден вольных каменщиков разрушительному масонству Англии, Франции и других держав [О взглядах Н. Н. Беклемишева см.: Аврех. С. 290–291; Андреев Д. А. Русская периодическая печать начала XX века о масонстве // Вестник Моск. ун-та. Сер.8. История. 1992. № 1. С.29–34]. Особое внимание Н. Н. Беклемишев, долгие годы прослуживший на флоте, начинает уделять пропаганде русского национального масонства как возможного механизма по возрождению России как великой морской державы. В своём журнале «Море» Н. Н. Беклемишев регулярно помещает статьи, разоблачающие западное масонство и восхваляющие традиции Ордена вольных каменщиков в России.

Активная позиция Н. Н. Беклемишева не могла не принести своих плодов. Вероятно, после кончины в 1914 г. В. В. Авчинниковой-Архангельской генерал-майор Н. Н. Беклемишев становится великим провинциальным мастером в С.-Петербурге и начинает открытие «фиалетских» лож. К 1917 г. складывается самостоятельная структура «орденских» мастерских в С.-Петербурге: Северная Пирамида, Два Горизонта, Четыре Элемента, Карма и Нептун [Сведения Л. Д. Кандаурова об открытии в 1898 г. в С.-Петербурге лож Пирамида и Карма не находят подтверждения в других источниках. См.: Записка Кандаурова. Л.16]. Одну из этих лож возглавляет М. Добрянский [См.: GLdF. № 523], а другую — великий князь Александр Михайлович, последовательный сторонник обновления русского флота, один из учредителей Русского морского союза [См. об этом: Шацлло К.Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политика. М., 2000. С.85], адъютантом которого некогда был Н. Н. Беклемишев (Л. Д. Кандауров, впрочем, считал, что великий князь оказывал лишь покровительство Ордену). Отметим, что сторонники Н.Н. Беклемишева и великого князя Александра Михайловича активно сотрудничали в возглавляемых ими обществах. Например, один из новых «фиалетов» Ю.В. Руммель был одним из редакторов журнала «Море» и Общества военной, морской и сельской техники, а одновременно секретарём Лиги обновления флота.

Не позднее 1916 г. в С.-Петербурге была образована и Великая Ложа Астрея. [См.: Hass. S.289]. Масоны Великого Востока народов России знали о существовании «фиалетов», но не пытались установить контактов с ними, поскольку туда входили преимущественно «придворные и аристократы» [Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1993. С.63].

Многочисленные публикации самого Н. Н. Беклемишева и его сотрудников в журнале «Море» могут служить косвенным материалом для характеристики взглядов членов Ордена Рыцарей Фиалет. Вероятно, Б.В. Телепнев, впервые написавший о «фиалетах» в России в начале XX века, был близок к истине; он считал, что помимо серьёзных философских и моральных работ, члены лож этого направления пытались противостоять политике Великого Востока Франции и пропагандировать идеи верности России и императору [См.: Telepneff В. Op. cit. P.291-292].

Отметим также, что в журнале «Море» активно сотрудничала известная исследовательница русского масонства Т. О. Соколовская. Хотя и

неизвестно об участии Т. О. Соколовской и её мужа М. К. Соколовского в деятельности лож, однако их взгляды совпадали с точкой зрения Н. Н. Беклемишева в положении об особенном пути русского масонства и в признании значительности этого явления.

Архив Т. О. Соколовской и её мужа хранится в РГАЛИ, фонд 442. Материалы из их коллекции, посвящённой масонству, находятся также в Государственном Литературном музее. Там же сохранились фотографии спектакля, поставленного Т. О. Соколовской в 1922 г. (в память о столетии запрета масонства в России), где «разыгрывалось» заседание ложи (с участием супружеской пары Соколовских), что, конечно, ещё не говорит об их членстве в Ордене вольных каменщиков. Однако следует принять во внимание и указание А. Д. Кандаурова, что каждый, кто посетил лишь однажды заседание «филалетов», считался членом Ордена.

Соколовские считали, что только иоанновское масонство первых степеней с задачами нравственного совершенствования человека имеет право на существование и должно быть легализовано и поэтому, вероятно, не вошли в организацию Н. Н. Беклемишева, в которой не отрицалась возможность воздействия на государственную политику. Примечательно, что именно в письме (1907 г.) к М. К. Соколовскому будущий мартирист И.К. Антошевский говорил о трудностях в попытках «организовать настоящую ложу, цель коей не будет исключительно политика» (РГАЛИ. Ф.442. Оп.1. Д.26. Л.1).

Сходных взглядов придерживался и Пётр Александрович Чистяков (1.10.1867, Москва – 18.1.1924, там же (обе даты даны по новому стилю)). Незаконнорожденный сын учительницы, прошедший трудное детство, с ранних лет переживавший «видения», он получил профессию массажиста, но больше проявил себя в иной области. С первого же года появления оккультного журнала «Ребус» П.А. Чистяков стал подписчиком этого печатного органа, а с 1883 г. его сотрудником. Вероятно, большую роль в его жизни сыграло общение в 1887-1889 гг. с тайным членом Ордена азиатских розенкрейцеров П.А. Бакуниным. Вслед за этим П.А. Чистяков принялся за создание мистических кружков, например, Кружка для экспериментальных исследований медиумизма и герметики. Наиболее активен П.А. Чистяков был в конце 1890-х – 1900-х гг. Известно несколько человек, которые были постоянными участниками мистических собраний у П.А. Чистякова: князь Пётр Петрович Голицын, Вут-Питерс, В.И. и Е.Д. Прибытковы. Отметим попутно, что в 1890-е годы с последними тесно общался писатель В.Я. Брюсов.

В 1898-1899 гг. П.А. Чистяков собирал у себя «кружок сенсирования», члены которого занимались спиритическими сеансами. В 1906 г. вместе со своими единомышленниками П.А. Чистяков сумел провести в Москве первый съезд Русского спиритуалистического общества, но уже к 1907-1909 гг. в обществе наметился серьёзный внутренний кризис, связанный с притоком в организацию случайных людей. Замкнутость прежней организации, выход из неё ряда деятелей литературы и искусства заставила искать новых форм работы и в 1908 г. П.А. Чистяков приступает к изданию «популярно-научного и литературного журнала» «Русский Франк-

масон», вышедшего тиражом 250 экземпляров. Предполагалось, что вокруг издания смогут объединиться будущие «братья» в России. Объявления о новом журнале появились в «Ребусе» (1907. 23 декабря. № 51-52; 1908. 20 января. № 2), в них было заявлено, что журнал «посвящается всем работающим и ищущим в трех степенях истинного и справедливого Иоаннического духовного масонства», но было «обещано участие и сотрудничество представителей: Капитула Азиатских Розенкрейцеров, Ордена Мартинистов, Русского Капитула Ордена Розенкрейцеров, членов Московского Эзотерического Кружка и др.». Хотя в двух вышедших номерах журнала практически не содержалось новой информации о мистических организациях в России, тем не менее издание журнала с громким названием вызвало определённый резонанс в обществе. 20 марта 1908 г. в газете «Раннее утро» было помещено интервью с П.А. Чистяковым, что вызвало интерес и у Департамента полиции. Московскому охранному отделению было предписано составить список масонов и установить тщательное наблюдение за ними. Одновременное вмешательство цензуры в дела «Русского Франк-масона» побудило редакцию приостановить издание.

Вероятно, закрытием журнала дело бы и ограничилось, если бы на сцене не появилось новое лицо, которое решило извлечь материальную выгоду из провокации и доносов. В мае 1908 г. в Москву приезжает некий Хаим Исак (Джемс) Завелович (Савельевич) или Иван Фёдорович Персиц. Выходец из еврейской купеческой семьи, Х. Персиц, с 13 лет жил за границей, где получил среднее образование и окончил курс философского факультета в Женеве. За границей Персиц называл себя профессором Иоди, Пешичем, заявлял, что занимается журналистикой, общался с революционными эмигрантскими кружками. В 1902 г. Персиц обратился в немецкое посольство в Брюсселе с предложением стать агентом политической полиции, затем неоднократно обращался с подобным же предложением в полицию в Берне, Брюсселе, Лондоне. В ноябре 1902 г. Персиц всё-таки стал платным агентом немецкой полиции, но этого ему было явно недостаточно. В 1907 г. Персиц вступает в ложу Camden (№ 704) в Лондоне, где получает в январе 1908 г. степень мастера, а в мае 1908 г., узнав о новом российском периодическом издании, приезжает в Москву. Персиц появляется в редакции журнала «Ребус», заявляет, что собрал значительные средства для продолжения издания «Русского франк-масона», переводит масонские ритуалы на русский язык, вступает в переписку с «материнской» ложей в Англии и получает бланк петиции на открытие масонской «мастерской» в Москве с припиской, что вопрос об открытии ложи будет ещё рассматриваться. Столь бурная деятельность вызывала удивление в редакции «Ребуса», где не подозревали, что Персиц одновременно сделал визит и в охранное отделение, предложив свои услуги в качестве секретного осведомителя; предложение было принято, а Персиц получил от охраны «клички» «Джемс» и «Соломон». В искренности намерений Персица справедливо усомнился и П.А. Чистяков, который в этой связи в ноябре 1907 г. тайно направил в Великую Ложу Англии письмо с запросом о новоявленном масоне [*Документы, связанные с деятельностью Персица в настоящее время хранятся: НИОР РГБ. Ф.128*]. Тем не менее, используя связи П.А. Чистякова и объявления в периодических изданиях, Персиц пытается создать масонскую ложу в России; он снимает помещение на Арбате, приобретает у букиниста П. Шибанова старые масонские книги, у антикваров обстановку для ложи,

печатает многочисленные бланки для кандидатов и даже бланки дипломов на степень мастера (один из последних Персиц успел даже продать). Пост великого мастера «возрожденной» ложи Астрейя Персиц предложил П.А. Чистякову, объявил последнему о наличии кандидатов для военной ложи Марса, но сам же на её первое предварительное заседание 21 декабря 1908 г. пригласил полицию. Справедливость восторжествовала, арестованы были не «кандидаты» (среди 11 кандидатов не было ни одного человека с русской фамилией, преимущественно это были отставные офицеры), а сам Персиц, которого приговорили к ссылке на три года в Архангельскую губернию с разрешением выехать за границу и не возвращаться в Россию ранее 30 января 1912 г. Этот «масон» всё-таки в феврале 1912 г. возвратился в Москву, где продолжал раскрывать свои «таланты», оставаясь платным агентом полиции, занимаясь шантажом и ложными доносами. Вероятно, ни в одной из европейских стран подобное «возрождение» масонства ни могло иметь бы места.

Провокация Персица привела не к легализации масонства в России, о чём мечтал П.А. Чистяков, а к ещё более настороженному отношению к масонству. Издатель «Русского Франк-масона» уже не решился возродить своё и без того убыточное издание, а в журнале «Ребус» (1909. № 10. С.3-5) был вынужден опубликовать «Открытое письмо друзьям» с предостережением о возможных провокациях. Таким образом, идея возрождения масонства в кружке, созданном вокруг журнала «Ребус» была уже забыта. Отметим при этом, что перспективы возрождения масонства из этого кружка были. Например, Л. Д. Кандауров в своей «Записке» отмечал, что идеи «Ребуса» находили отклик у великих князей Николая Николаевича, Петра Николаевича и Георгия Михайловича. Сотрудничали с П.А. Чистяковым и такие историки масонства, как Н.П. Киселёв (круг его интересов ещё только складывался) и Т.О. Соколовская (она в это же время уже выступала с лекциями о масонстве).

Вероятное место масонства в увлечениях художественной интеллигенции начала XX в. заняли занятие теософией, затем «розенкрейцерство» А.Р. Минцловой и антропософия Р. Штейнера.

Масонами были ключевые фигуры Теософского общества, создавшие «смешанный» масонский Орден «Друа юмен», в который входили как мужчины, так и женщины [См. статьи об Анни Безант, Франческе Арундале, Жорже Мартене: *Ligou*]. Членом масонской ложи была и Е.П. Блаватская, однако, в соответствии с «ландмарками» (ключевыми положениями) масонства женщины не могли стать членами лож и «масонство» теософов не признавалось в мире.

В 1906-1908 гг. происходит сближение А.Р. Минцловой с видными деятелями литературы М.А. Волошиным, Вяч.И. Ивановым, А. Белым и др. Своим новым соратникам она пересказывает теорию-учения Р. Штейнера о трёх путях ученичества (восточном, христианском и розенкрейцерском) (Примечательно, что А.Р. Минцлова перевела на русский язык лекцию Р. Штейнера «Тайна Розы и Креста», которая не была издана). Именно «розенкрейцерский» путь становится откровением для русских литераторов и надолго становится целью искания для некоторых из них, вытесняя возможное увлечение масонством.

Примечательно, что когда Вяч. Ив. Иванов сообщил А.Р. Минцловой о поступившем ему предложении вступить в масонство, та обоснованно

предположила, что это предложение последовало от М.М. Ковалевского, представлявшего Шотландский Устав, но при этом запретила Вяч.Ив. Иванову рассказывать об «оккультном» масонстве, членами которого считала себя и Р. Штейнера [Подробнее об А.Р. Минцловой см., например: Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. Исследования и материалы. М., 1999. Об указанном эпизоде с Вяч. И. Ивановым см.: Там же. С.62-63]. А.Р. Минцлова была каким-то образом связана с мартинистами, поддерживала с ними контакты, но они не одобряли её деятельности, что, возможно, было одной из причин «брёда» А.Р. Минцловой, считавшей, что ей противостоят «тёмные» оккультисты. Этому «брёду» оказался подвержен и А. Белый, утверждавший, что А.Р. Минцлова даже «имела беседу с одним из великих князей, мартинистов, что будто бы этот последний поставил вопрос, как нам быть с нашей родиной и что делать с царем Николаем Вторым» [Белый А. Собрание сочинений. Воспоминания о Блоке. М., 1995. С.368].

Затем последовал сравнительно длительный период увлечения учением Р. Штейнера, который вовсе не способствовал распространению масонства, поскольку «доктор» настороженно относился к Ордену вольных каменщиков [См. подробнее мою вступительную статью к указанной книге Н.П. Киселёва].

Возвращаясь к Ордену Рыцарей Филалет, просуществовавшему по 1918 г., следует подчеркнуть, что он практически ничего не определял ни в жизни страны, ни даже в жизни флота, где, казалось бы, великий князь Александр Михайлович мог оказывать влияние. Сам Н. Н. Беклемишев, хотя и интересовался идеями, высказанными в журнале П. Б. Струве «Освобождение» [О придворной «фронде» и о влиянии Н. Н. Беклемишева на вел. кн. Александра Михайловича см.: НЖ. 1981. Кн.144. С.112–123], был убеждённым монархистом, другие члены его организации, как А. П. Веретенников и М. Анатолев, были скорее склонны к мистицизму, чем к политике. Например, М. Анатолев в 1918–1940 гг. был активным членом таллинского отделения лондонского Теософского общества [См.: GLdF. № 523].

Определённый политический консерватизм Н. Н. Беклемишева, а главное — время образования ложи Карма в Париже и в С.-Петербурге заставляют усомниться в информации В. Л. Вяземского о том, что в Кронштадте работала «новиковская» ложа Нептун, членом которой был А. Н. Пыпин. Вряд ли племянник Н.Г. Чернышевского до своей кончины в 1904 г. мог состоять в одной ложе с монархистом Н. Н. Беклемишевым, а о деятельности лож в России в то время не приходится говорить. Кроме того, если сведения, приведённые В. Л. Вяземским, верны, то возникает вопрос, почему в документах о тайных собраниях масонов новиковского круга после 1822 г. они не находят никакого подтверждения.

Подводя итоги, следует сказать, что деятельность Ордена Рыцарей Филалет, как и Ордена Мартинистов, стояла в стороне от основного пути масонства и ограничивалась влиянием на очень узкий круг лиц. В развитии двух обществ, образованных во Франции, были черты сходства: это попытка влияния на российские придворные круги, замкнутость, провозглашение себя хранителями традиций при реальном отсутствии преемственности. Проявились общие черты и в совпадении основных дат в развитии обоих орденов: 1910 г. — перенос работ в Россию, 1917 г. — период наибольшей активности.

Связи оккультно-эзотерических кружков в России с масонством не ограничивались вышеприведенными примерами. Например, Л. Д. Кандауров в своей «Записке» упоминает о розенкрейцерах в Москве, Саратове, Казани, Нижнем Новгороде (достоочтимый мастер Бурьгин), Полтаве (ложка Кирилл-Мефодий, о которой Ю. К. Терапиано утверждал, что она, как и ложки Иордан (Феодосия, 1914–1915 гг.) и Северное Сияние (Киев), работала под управлением ложки Нарцисс) [См.: ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.175. Л.9]; а в марте 1906 г. XXI конгресс венгерских масонов принял решение о посвящении в Орден вольных каменщиков русских эзотериков, обратившихся с просьбой о принятии. Известно и о том, что Е.А. Нагродская, руководительница уже в эмиграции русской ложки союза Друа юмен, весной 1914 г. пыталась наладить отношения в Париже с тамплиерами [См. комментарии Г.А. Морева: Кузмин М.А. Дневник 1934 года. СПб., 1998. С.320-321]. Несомненно лишь то, что оккультные кружки в России не оказали сколь-нибудь значительного воздействия на общественную и культурную жизнь страны.